

Н.А. Абуов*, З.К. Картова

*Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева, Петропавловск, Казахстан
(E-mail: abuovnur@mail.ru; kartov_m@mail.ru)*

История чеченцев и ингушей в Северном Казахстане: от депортации до демонтажа системы спецпоселения

В статье рассмотрена история чеченцев и ингушей в Казахстане в период существования спецпоселенческой системы. В публикации проанализированы нормативные документы, делопроизводственная переписка, источники из фондов региональных и центральных архивов республики, раскрывающие судьбу депортированных чеченцев и ингушей в Северо-Казахстанской области. Основными аспектами статьи являются особенности процесса приема, жилищного размещения, обеспеченности продовольствием, трудоустройства, морально-психологической адаптации депортированных чеченцев и ингушей, процесс их освобождения из спецпоселения.

Ключевые слова: депортация, спецпоселенцы, смертность, трудоустройство, местные органы власти, демонтаж системы спецпоселения.

Введение

Тема депортаций народов, осуществленных в 1930–1950-е гг. сталинским режимом, имеет множество аспектов и не теряет своей актуальности и в XXI веке. Распад Советского государства позволил рассекретить многие источники и сделать данную тему предметом для исследований многих историков на всем постсоветском пространстве. Продолжающееся рассекречивание архивных фондов, обновление методологических подходов, интерес государства и общества к этой теме придают импульс к дальнейшей работе по изучению истории выселенных народов. Восстановление объективной картины прошлого, введение в научный оборот новых исторических источников, исследование истории репрессий в отношении отдельных этносов Казахстана остается приоритетной задачей и для современных ученых. В данной статье сделан анализ и раскрыты основные аспекты жизни депортированных чеченцев и ингушей, оказавшихся в годы Великой Отечественной войны в Казахстане.

Методы исследования

В работе по исследованию истории депортированных чеченцев и ингушей нами учитывалась многомерность репрессивной политики сталинизма, проявившаяся во всех сферах их жизни, приведя к людским, материальным потерям, национальной самобытности этносов.

В основе методологии исследования проблем депортированных чеченцев и ингушей лежат основополагающие принципы: научная объективность и историзм. В исследовании применялись такие методы научного познания, как анализ и синтез, а также компаративный, проблемно-хронологический, статистический методы. Применение методов анализа и синтеза позволяет рас-

* Автор корреспондент E-mail: abuovnur@mail.ru

смотреть и охарактеризовать процессы расселения, хозяйственно-бытового устройства, правового положения депортируемых народов. В то же время эти методы способствуют выявлению общих тенденций в осуществлении политики репрессий в отношении депортированных чеченцев и ингушей, подчеркнуть специфические черты, имевшие место при их депортации.

Компаративный или сравнительный метод применяется в работе с источниками для подтверждения или опровержения уже известных фактов и явлений, имевших место в истории спецпоселений, в том числе в Северо-Казахстанской и Кокчетавской областях.

Проблемно-хронологический метод используется для раскрытия эволюции социально-экономического, правового, политического, положения чеченцев и ингушей в течение существования системы спецпоселения. Статистический метод использовался при анализе численности, внутренней миграции спецпоселенцев в области и республике, их репатриации после освобождения.

Все эти методы позволяют изучить исторические явления и факты в их многообразии, раскрыть их содержание и проследить количественные и качественные изменения на различных этапах спецпоселения.

Обсуждение проблемы и результаты исследования

О массовых репрессиях против социальных, конфессиональных групп и целых народов, высланных в Казахскую ССР в 1930–1950-е гг., учеными написано немало трудов и публикаций. Тема сталинских депортаций была и остается предметом исследований западных специалистов. После распада СССР они получили доступ ко многим фондам центральных архивов России и стран СНГ. Высоким уровнем критической проработки самых разнообразных источников отличаются статьи таких американских ученых, как М. Гелб [1] (о депортации финнов и других национальных меньшинств) и П. Холквист [2] (о депортационной политике царской России в годы Первой мировой войны, а также большевистской России в первые годы советской власти).

В 1991 г. был издан труд зарубежного историка чеченского происхождения А. Авторханова «Народоубийство — убийство чечено-ингушского народа», в котором автор пишет о трагической судьбе кавказских народов [3]. В разделе «За что же они уничтожены?» А. Авторханов замечает: «То, что требовал Николай I более ста лет тому назад — «покорение или истребление непокорных горцев», осуществил Сталин в худшем варианте» [3; 65].

Депортации чеченцев, ингушей и крымских татар в самом широком контексте этнических чисток в Европе в XX веке рассмотрели такие историки, как Б. Уильямс [4], Н. Наймарк [5, 6] и Т. Мартин [7], их работы интересны привлечением нового фактического материала из российских архивов.

Попытку хронологического обобщения проблематики советских депортаций предпринял и французский историк Ж.-Ж. Мари в монографии «Депортированные народы Советского Союза» [8]. Система спецпоселений представляется ему «вторым ГУЛАГом». Очень коротко освещаются вопросы пребывания депортированных на спецпоселении, их полуреабилитации и полурепатриации. В завершающей книгу главе «Бесперспективный баланс» французский ученый справедливо указывает на многообразие связей между сталинскими депортациями и многочисленными вооруженными межэтническими конфликтами постсоветского времени.

Исследования репрессий по отношению к народам Северного Кавказа получили значительное развитие в России, что связано с сохраняющейся сложной ситуацией в этом регионе. В 1996 г. была опубликована работа З. Шахбиева «Судьба чечено-ингушского народа» [9]. Отдельная глава книги посвящена истории депортации чечено-ингушского народа. Автор на основе архивных источников рассмотрел процессы депортации, реабилитации и репатриации чеченцев и ингушей. В 1998 г. вышла книга «Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы)» А.М. Гонова, написанная в соавторстве с Н.Ф. Бугаев [10]. Исследователями рассматривается история всех народов, проживавших на Кавказе до депортации, изучается проблема принудительного переселения народов, этнических и социальных групп, их репатриация на историческую родину.

Накопленный за первые годы изученный материал о депортации народов систематизировался, получал четкие очертания, в ряде монографических трудов. В России такими трудами стали монографии Н.Ф. Бугая, В.Н. Земскова, П.М. Поляна и других. Нельзя не отметить появившуюся в свет монографию Н.Ф. Бугая «Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» [11], где впервые проблема депортации народов представлена в обобщающем виде. Работа написана на базе докумен-

тов и материалов, выявленных автором в архивах НКВД СССР, МВД–МГБ СССР, и включает в себя депортации 40 групп и 15 народов СССР в 1930-е — начале 1950-х гг.

Особо отметим научный труд В.Н. Земскова «Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960», который представляет собой систематизацию предшествующих публикаций ученого [12]. Автор в монографии проследил эволюцию системы спецпоселения, в целом, определив количественный и качественный составы спецпереселенцев на разных этапах существования, процесс освобождения спецпоселенцев, выявил важные социально-демографические последствия их нахождения на спецпоселении.

В Казахстане данное направление исследований в исторической науке также активно разрабатывалось отечественными историками, которые стремились восстановить объективную историю всех этносов Казахстана. Значительный резонанс исследованиям ученых придал выход в 1998 г. в свет сборника «Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы» [13]. В этом очерке ведущие историки республики М.К. Козыбаев, К.С. Алдажуманов, Т.М. Баймаханов и другие раскрыли различные аспекты истории депортации разных народов, что привело к изучению и разработке данной проблематики во многих региональных вузах Казахстана.

История депортации чечено-ингушского народа также стала предметом исследования ученых Республики Казахстан. Одной из первых статей, рассматривавших историю депортации немцев и чеченцев, стала публикация Г. Турановой [14]. На современном этапе можно отметить коллективный труд Т.С. Кульбаева, А. Хегая «Депортация», в которой они рассмотрели историю насильственных переселений народов в Казахстан, в том числе посвятив отдельные главы переселению северокавказских народов [15]. Депортацию чеченцев в Казахстан исследовал А. Гунашев в работах «Ичкерия: месь истории» и «Чеченцы в Казахстане» [16, 17]. В его публицистическом труде «Чеченцы в Казахстане» дается краткий очерк истории чеченского народа в республике, он пишет, что «благодарная память чеченцев навсегда сохранила дружбу к казахскому народу и трепетное отношение к Казахстану как к своей второй Родине» [17; 22].

Процесс депортации северокавказских народов и их жизнь в условиях спецпоселения в Казахстане исследована в работе А.Т. Орымбаева «Депортация чеченского и ингушского народов в Казахстан в годы Великой Отечественной войны и их положение в послевоенные годы» [18]. Следует отметить, что, по замечанию самого автора, исследование «являет собой лишь попытку частичного освещения положения депортированных народов Северного Кавказа — чеченцев и ингушей в Казахстане» [18;73].

В 2009 г. вышла в свет книга Ж.А. Еремекбаева «Чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы», которая комплексно осветила проблемы истории депортированных народов на примере чеченцев и ингушей в Казахстане [19]. Вместе с тем изучение истории народов, депортированных с Северного Кавказа, в регионах требует дальнейшей научно-исследовательской работы, многие аспекты их депортации, освобождения и репатриации остаются неисследованными.

В годы Великой Отечественной войны И. Сталин несколько не сбавил обороты репрессий, а наоборот, усилил их. Так, с октября 1943 г. по май 1944 г. прошла серия депортаций в нашу республику калмыков, балкарцев, карачаевцев, чеченцев и ингушей, крымских татар. Первым документом, положившим начало депортации чеченцев и ингушей, стало Постановление ГОКО № 5073 сс «О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР» от 31 января 1944 г. [20; 96–98]. В Казахстане предусматривалось разместить до 400 тыс. человек чеченцев и ингушей. Одной из областей размещения также была и СКО.

Из анализа документов Северо-Казахстанского государственного архива (СКГА) видно, что о высылке чеченцев и ингушей в республику знали задолго до указанных выше постановлений, так как подготовительная работа по их приему была начата еще в середине января 1944 г. Так, в СКО было принято решение разместить в колхозах 15 районов, от 2000 до 5000 чел. в каждом районе, и 4300 чел. должны были принять совхозы этих районов [21; 42]. Местные органы власти в районах должны были обеспечить транспорт для доставки людей со станций к местам поселения. В итоге численность депортированных людей с Северного Кавказа в Северо-Казахстанской области в конце 1944 г. составила 4798 семей — 20789 чел. В колхозах была расселена 3981 семья; в совхозах — 579 семей; промышленных предприятиях — 238 семей [22; 43]. Контроль за депортированными чеченцами и ингушами, условиями их жизни осуществлялся органами НКВД.

Одним из первых документов в СКГА, раскрывающим положение чеченцев и ингушей, является «Докладная записка о состоянии хозяйства спецпереселенцев с Северного Кавказа, расселенных в Северо-Казахстанской области, по состоянию на 15/ХП–1944 г.». Анализ документа показывает, что

для спецпереселенцев за 1944 год было подготовлено 2584 жилых объекта, из них: «домов — 6, землянок — 1545, на стадии строительства землянок — 315, закреплено за спецпереселенцами из числа пустующих бараков — 17, домов — 410, землянок 291» [23; 2]. Большинство подготовленных жилых объектов были землянками. Таким образом, депортированные спецпоселенцы с Северного Кавказа были вынуждены переживать зиму 1945 года в сырых землянках, без запаса топлива, теплой одежды, с массой бытовых проблем.

Одной из острых проблем спецпереселенцев было продовольственное обеспечение. Так, в этом же документе отмечено: «На 1 декабря сего года выдано 3925 семьям спецпереселенцев скота: КРС — 2177 голов, овец и коз — 6086» [23; 4]. Руководство колхозов, начав выдачу скота, пытались наладить процесс адаптации и обеспечения спецпереселенцев в продовольственном отношении на длительное время. Однако такая помощь оказалась кратковременной, большая часть выданного скота вследствие длительного голода была сразу забита.

Тяжелое положение спецконтингента с Северного Кавказа усугублялось безразличием к их судьбе отдельных руководителей колхозов. Как отмечается в этом же документе, при проверке устройства спецпереселенцев на вопрос, как устроены спецпереселенцы, председатель колхоза «Хлебобороб» Конюховского района товарищ Дикий заявил: «Я не знаю даже, где они расселены и сколько их. Если бы вы приехали проверять животноводство, то другое дело, а спецпереселенцы пусть как хотят, так и живут» [23; 4]. Отношение к спецпереселенцам в 1944–1945 гг. в местах поселения и на работе характеризовалось несправедливостью и многочисленными нарушениями их прав со стороны местных властей. Нарушения эти выражались в отношении начисления заработной платы, в отказе выдачи премий за добросовестный труд.

Положение спецпереселенцев не много изменилось в 1946 г., когда мероприятия по их хозяйственно-бытовому устройству приняли более целенаправленный характер и были устранены многие недостатки в проведенной ранее работе. Улучшению работы местных органов власти способствовала предварительная работа по уточнению количества спецпереселенцев и их потребностей конкретно по районам, что позволило систематизировать работу с переселенцами. По данным Северо-Казахстанского областного отдела хозустройства, на 1 января 1946 г. в области числилось следующее количество спецпереселенцев с Северного Кавказа: «семей чеченцев — 3637, или 14766 человек, семей ингушей — 1234, или 5366 человек, всего семей спецпереселенцев в области было 4871, или 20132 человека» [24; 11]. Изменения числа спецпереселенцев за прошедший период объясняются такими причинами, как смертность, соединение разрозненных семей, прибытие в область новых семей, появлением новорожденных, а также отъездом в другие области.

Важным аспектом в жизни депортированных чеченцев и ингушей после войны стало воссоединение семей после демобилизации из армии. Так, 22 августа 1945 г. была принята директива НКВД № 140 «О порядке направления на жительство демобилизуемых из Красной Армии военнослужащих сержантского и рядового состава по национальности: карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар, болгар, греков и армян» [25; 550, 551]. Военнослужащих упомянутых национальностей после демобилизации из Красной Армии направляли к месту расселения их семей или родственников. По прибытии демобилизуемые были обязаны обратиться в местный Отдел спецпоселений НКВД–УНКВД для получения справок о месте жительства семьи или родственников. Возвращение на место прежнего жительства или самовольный выбор места жительства демобилизованному из армии не разрешалось. Участие в Великой Отечественной войне, героизм фронтовиков не учитывался. Мужчины этих национальностей пополняли ряды спецпоселенцев со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Особенностью в среде депортированных народов с Северного Кавказа было то, что большая часть спецпереселенцев, не до конца осознавая своего статуса, жила надеждами и даже уверенностью в скором освобождении. Так, в Красноармейском районе спецпоселенцы — Исмаилов Алаудин, Эльдуханов Юнкер — распространяли слух, что всех спецпереселенцев с Северного Кавказа скоро будут переселять на Кавказ и рекомендовали при этом распродавать скот и прекращать работу в колхозах [26; 43]. Результатом этих слухов стало то, что в СКО летом 1948 г. спецпереселенцы чеченской национальности, покинув места своего поселения, стали скапливаться в поселке Булаево, который располагался на железнодорожной магистрали. По отношению к ним сразу были применены санкции. Подобные действия и настроения среди спецпереселенцев были связаны с тем, что в момент депортации карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар, немцев не был определен срок их высылки. Этот юридический пробел был ликвидирован 26 ноября 1948 г., когда Верхов-

ный Совет СССР издал Указ «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» [27; 176]. Он определял, что депортированные высланы навечно, без права возврата к прежнему месту жительства. За побег и нарушение данного указа спецпоселенцы наказывались 20-ю годами каторжных работ.

Данные факты по Северо-Казахстанской области также находят свое подтверждение в документах Архива Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК по СКО. Так, Альдиев Мурат Ахметович — ингуш, 1925 г.р., из с. Миловидовка Советского района СКО был направлен в 1948 г. в город Петропавловск для обучения на курсы комбайнеров, однако его поездка родственникам в гости на неделю в г. Кокчетав обернулась тем, что он был задержан и «1 июля 1949 г. осужден на 20 лет каторжных работ и направлен в ВОРКУТЛАГ каторжное отделение» [28; 10]. Он был обвинен по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 /11–1948 г. Предотвращая побег спецпереселенцев, органы внутренних дел проводили мероприятия по ознакомлению населения с данным указом, в частности, у спецпереселенцев брали расписки об ознакомлении с данным актом, снимали отпечатки пальцев, записывали подробные описания их внешнего вида, «то есть с депортированными обращались как с уголовными и политическими преступниками» [29; 104]. Государство не давало усомниться в своих намерениях в принципиальных вопросах переезда на родину депортированных народов.

Для усиления политико-воспитательной работы среди депортированных народов центральные исполнительные органы власти рекомендовали привлекать к работе на местах коммунистов и комсомольцев из числа самих спецпоселенцев. Так, члены бригады ЦК КПК, проверявшие Кокчетавскую область в связи с выполнением Постановления от 20 февраля 1951 г. «О работе среди спецпоселенцев», отчитывались, что в области хорошо поставлена агитационно-воспитательная работа. В отделах агитации и пропаганды обкома и райкомов партии разработаны планы лекций и докладов на темы: «О дружбе народов в СССР», «О великой стройке коммунизма», «О коммунистической морали и о борьбе с пережитками прошлого», «Борьба с пережитками капитализма в сознании молодежи» и т.д. Всего за 1-е полугодие 1951 г. по области было прочитано 1138 лекций [30; 157, 158]. Однако многое в агитационно-пропагандистской работе в области проводилось лишь на бумаге. Следует отметить, что культурно-воспитательная работа была совершенно неэффективной не только из-за плохой организации и бессистемности, но из-за того, что велась по шаблону, совершенно не учитывая особенности аудитории. Чеченцы и ингуши всячески старались избежать давления советской пропаганды. Анализируя документы можно понять, что советская идеологическая машина постоянно наталкивалась на латентное или открытое сопротивление спецпоселенцев, особенно в тех населенных пунктах, где они компактно проживали.

Отрицательно спецпоселенцы относились и к советской школе. Так, в письме комсомольца А. Умарова констатировалось: «Чеченские дети не учатся потому, что их родители сами безграмотны, не придают этому важному вопросу должного значения, кроме того, считают учебу для чеченской молодежи необязательной, что это какой-то грех, что, мол, грамотность не дает пользы, после чего человек становится не божьим и т.д.» [20; 180].

Депортированные народы стремились передать этнокультурный опыт своим детям, стараясь, чтобы они не были оторваны от тех духовных ценностей, на которых они воспитывались сами. Эти народы, потерявшие свою родину, родственников, имущество, опасались того, что их дети могут быть настроены идеями советской власти против них самих, поэтому запрещали им вступать в комсомольские и пионерские организации, препятствовали посещению школ. Взамен советской идеологии спецпоселенцы старались противопоставить религию, которая для депортированных народов была духовной опорой. Согласно архивным документам, в ряде районов в среде чеченцев и ингушей также было зафиксировано наличие нескольких сект. В справке «О состоянии политико-воспитательной работы среди спецпоселенцев Кокчетавской области» было отмечено, что среди чеченцев и ингушей распространены секты: «Кунта-хаджи», «Денишейх», реакционнейшая секта «Батал-Хаджи». Собрания секты «Кунта-Хаджи» регулярно проводятся в селах: Гавриловке, Андреевке Рузаевского района; Арык-Балыке, Тахтаброде Арык-Балыкского района; в колхозе «Украинский пахарь» Энбекшильдерского района, в городе Щучинске и Кокчетаве [31; 4]. В среде чеченцев и ингушей преобладало латентное сопротивление советской идеологии, оно выражалось в запретах членам семьи учиться, особенно девочкам, ходить в кино, клубы, вступать в комсомол и т.п.

К началу 1950-х гг. в среде чеченцев и ингушей происходили серьезные изменения: многие открыто высказывали свои требования и недовольство сохранявшейся ситуацией. Натянуто складывались отношения спецпоселенцев Северного Кавказа и с прибывающими целинниками, зачастую они перерастали в прямые стычки и драки. Судебными органами Кокчетавской области было зарегистрировано в 1954 г. 323 дела, связанных с хулиганством, более половины из которых выпадают на конец года. «Так, 25 июля в столовой с. Тахтоброд Арык-Балыкского района учинили драку спецпоселенцы: Беков Баян, Хомхоев Хамзат, Оздоев Магомет, с одной стороны, с рабочими совхоза целинниками: Красниковым Борисом, Телигнос Дмитрием, Очератьяном Николаем и другими, с другой стороны [32; 2]. Недовольство спецпоселенцев властью укреплялось с момента высылки и в силу сохранявшейся системы спецпоселения и неравноправных условий жизни.

Все годы жизни на спецпоселении чеченцы и ингуши не оставляли надежд на свое освобождение. К принятию мер по изменению системы спецпоселения и освобождению народов в определенной степени подталкивала складывающаяся международная обстановка. «13 декабря 1953 г. калмыцкая делегация, возглавляемая калмыком Д. Бурхиновым, была принята в Организацию Объединенных Наций, где она вручила Меморандум на имя Генерального секретаря Дага Хаммершальда. В Меморандуме предлагалось, чтобы комиссия по защите прав человека при Организации Объединенных Наций добилась от советского правительства сведений относительно местонахождения и нынешнего состояния калмыков, чеченцев, крымских татар, карачаевцев, ингушей и балкарцев, ставшими жертвами массовых депортаций [10; 283]. Таким образом, судьба депортированных народов и их освобождение становились одной из острых проблем и на международной арене.

Освобождение спецпоселенцев в Северном Казахстане проводилось в рамках тех постановлений, которые были приняты высшими органами власти СССР с 1954 по 1956 гг. Первыми освобождения удостоились дети спецпоселенцев. По Постановлению Совета Министров СССР от 5 июля 1954 г. «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» с учета спецпоселенцев снимались: а) дети спецпоселенцев, не достигшие 16-летнего возраста; б) дети спецпоселенцев старше 16 лет, обучающиеся в учебных заведениях [20; 182, 183]. Сразу после выхода Постановления Совета Министров СССР «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпереселенцев» надзорными органами МВД осуществлялась специальная разъяснительная работа, направленная на закрепления спецпоселенцев в местах их настоящего проживания. Однако у органов внутренних дел уже не было старых рычагов давления и принуждения. Органы милиции на совещаниях заявляли о том, что если раньше они имели административные права и могли призвать спецпоселенцев к порядку, то теперь после выхода Постановления они не могут проводить среди спецпоселенцев серьезную работу и оказывать на них соответствующее влияние [33; 15].

Ослабление позиций спецкомендатур и снятие некоторых ограничений по спецпоселению сразу отразились на настроениях спецпоселенцев, которые стали мигрировать как внутри области, так и пределах республики. В справке «О состоянии политико-воспитательной работы среди спецпоселенцев Кокчетавской области» отмечалось, что после принятия Постановления от 5 июля 1954 г. в течение 5 месяцев из колхозов, МТС, промпредприятий области убыло 4035 спецпоселенцев, из них — 2500 чел. трудоспособных. Из общего числа выбывших: 2726 чел. чеченцы и ингуши, 564 — немцев, 479 — таджиков (басмачей), 266 — поляков, 136 чел. уехали из области самовольно. Особенно много выезжает из сельской местности: из Арык-Балыкского района — 400 чел., Красноармейского — 449 чел., Келлеровского района — 690 чел. [34; 1].

Выступление Н.С. Хрущева на XX съезде ЦК КПСС вызвало новый резонанс среди чеченцев и ингушей, которые были уверены, что после съезда им разрешат выехать на Кавказ. Решимость, проявленная чеченцами и ингушами, сделала свое дело. Так, чеченцы и ингуши добились включения своего вопроса в Постановление ЦК КПСС от 24 ноября 1956 г. «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов». В Постановлениях отмечалось, что ранее принятые меры по восстановлению прав высланных народов недостаточны. Сама высылка осуждалась как акт произвола и беззакония. Отмечалось также, что уже принятые меры не решают задачи полной реабилитации и восстановления равноправия выселенных народов среди других народов Советского Союза. Выход этих постановлений о восстановлении национальных автономий положил начало процессу упорядоченного переезда чеченцев и ингушей. В ЧИАССР был создан Организационный комитет по возвращению под председательством М.Г. Гайдарбекова. По планам этого Организационного комитета переселение должно было происходить в течение 4-х лет с 1957–1960 гг. в порядке очередности, с учетом возможности приема, раз-

мещения и трудоустройства чеченцев и ингушей в ЧИАССР [35; 20]. Однако подготовительная работа Организационного комитета оказалась напрасной: чеченцы и ингуши, зная о восстановлении ЧИАССР, просто атаковали железнодорожные станции, стремясь быстрее попасть на родину. К лету 1957 г. процесс выезда чеченцев и ингушей был мало управляем. Из Северо-Казахстанской и Кокчетавской областей чеченцы и ингуши выезжали в ЧИАССР без разрешений властей, используя для этого приграничное положение региона. Чеченцы и ингуши добирались до Омска и других станций РСФСР и уже там покупали проездные билеты на Кавказ. План переезда чеченцев и ингушей, намеченный Оргкомитетом по ЧИАССР на 4 года, был выполнен досрочно за 1957 год.

Выводы

Подводя итоги можно констатировать, что чеченцы и ингуши, как и другие депортированные народы, в течение существования спецпоселенческой системы оставались бесправной категорией людей в республике. Большинство из выделяемых средств и проводимых мероприятий советской власти не имели должного эффекта, что усугубляло их жизнь. Уровень развития здравоохранения, образования, социального обеспечения в КазССР, несоблюдение прав этой категории людей как граждан СССР не позволяло полностью решить проблемы депортированных народов. В первые годы депортации это приводило к массовым заболеваниям и смертности. Морально-психологическое давление местных органов власти, вкупе с тяжелым материальным положением семей спецпереселенцев и безразличным отношением руководителей колхозов, совхозов к депортированным, предопределяло их медленную и тяжелую адаптацию к новым условиям жизни.

При освобождении народов, как и прежде, государство проявляло дифференцированный подход, который позволил народам Северного Кавказа покинуть место своей ссылки, другие же народы — немцы, крымские татары, поляки — закреплялись на месте своего проживания в Казахстане под давлением властей. Командно-административные методы в решении проблем спецпоселенцев проявлялись в арсенале советских и партийных органов и в последующее время. Представители депортированных народов с большим трудом возвращали себе элементарные гражданские права, утраченные ими за долгие годы спецпоселения. Различные органы власти создавали всевозможные препоны в ходе реализации прав представителей депортированных народов. Факт освобождения спецпоселенцев без полной их реабилитации приводил к консервации сложившихся моделей отношений между властью и представителями депортированных народов. Ярлык «неблагонадежный народ» еще длительное время преследовал целые поколения этих этносов, что усложняло их включение в нормальную, полноценную жизнь. Советское государство, принеся этим народам массу страданий, привив чувство ущербности, ничего не дало взамен. Попытки руководства СССР провести отдельные акты реабилитации в последующее время носили декларативный характер и не принесли ни морального, ни материального удовлетворения. Очевидно, что Правительство СССР не приняло эффективных мер для дальнейшей реабилитации депортированных народов.

В Казахстане 24 ноября 2020 г. № 456 вышел Указ Президента Республики Казахстан «О Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий». Данный Указ имеет важное историческое и общественное значение. Акимом Северо-Казахстанской области в декабре 2020 г. созданы региональные рабочие группы, которые занимаются в областных и районных архивах поиском и выявлением различных категорий репрессированных и восстановлением полной картины этих преступлений для дальнейшей их реабилитации. Исследование истории депортации народов во всех регионах Казахстана позволит в полном объеме описать механизм проведения репрессий советского государства и способствовать сокращению «белых пятен» в отечественной истории новейшего времени. Появление новой и востребованной научной, документированной информации однозначно способствует более полному историческому аудиту и аналитической оценке рисков последствий прошедших трагедий XX века.

Список литературы

- 1 Gelb M. The Western Finnic Minorities and the Origins of the Stalinist Nationalities Deportations / M. Gelb // Nationalities Papers. — 1996. — No. 2. — P. 237–267.
- 2 Holquist P. «Conduct merciless mass terror»: decosackization on the Don, 1919 / P. Holquist // Cahiers du Monde russe. — 1997. — No. 1–2. — P. 127–162.
- 3 Авторханов А. Народоубийство — убийство чечено-ингушского народа / А. Авторханов — М.: Инсан, 1991. — 79 с.

- 4 Williams B.G. The Crimean Tatars. The Diaspora Experience and the forging of anation / B.G. Williams. — Leiden; Boston; Koln: Brill, 2001. — 488 p.
- 5 Naimark N. Die Russen in Deutschland. Die sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949 / N. Naimark. — Berlin: Propylaen, 1997. — 719 s.
- 6 Naimark N.M. Fires of Hatred. Ethnic Cleansing in the Twentieth Century Europe / N.M. Naimark. — The Harvard University Press, 2002. — 256 p.
- 7 Martin T. The Origin of Soviet Ethnic Cleansing / T. Martin // The Journal of Modern History. — 1998. — No. 4. — P. 812–861.
- 8 Marie Jean-Jacques. Lespeoplesdeportesd' Unionsovietique / Marie Jean-Jacques. — EditionsComplexe, 1995. — 205 p.
- 9 Шахбиев З. Судьба чечено-ингушского народа / З. Шахбиев. — М.: Россия молодая, 1996. — 479 с.
- 10 Бугай Н.Ф. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы) / Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов. — М.: Инсан, 1998. — 368 с.
- 11 Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» / Н.Ф. Бугай. — М., 1995. — 320 с.
- 12 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960 / В.Н. Земсков — М.: Наука, 2003. — 306 с.
- 13 Анес Г. Депортированные в Казахстан народы / Г. Анес. — Алматы: Арыс–Казахстан, 1998. — 428 с.
- 14 Тұранова Ф. Қоныс аударған немістер мен шешендер (1943–1948 жж.) / Ф. Тұранова // Қазақ тарихы. — 1998. — № 4. — Б. 35–39.
- 15 Кульбаев Т.С. Депортация / Т.С. Кульбаев, А. Хегай. — Алматы: Данекер, 2000. — 274 с.
- 16 Гунашев А. Ичкерия: мечь истории / А. Гунашев. — Алматы: Нұрлы Әлем, 2001. — 200 с.
- 17 Гунашев А. Чеченцы в Казахстане / А. Гунашев. — Алматы: Нұрлы Әлем, 2001. — 45 с.
- 18 Орымбаев А.Т. Депортация чеченского и ингушского народов в Казахстан в год Великой Отечественной войны и их положение в послевоенные годы / А.Т. Орымбаев. — Алматы: Парасат Әлемі, 2006. — 84 с.
- 19 Ермекбаев Ж.А. Чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы / Ж.А. Ермекбаев. — Алматы: Дайк-Пресс, 2009. — 506 с.
- 20 От депортации к интеграции: документы и материалы, посвященные 60-летию депортации чеченцев и ингушей в Казахстан: Международный фонд гуманитарной помощи «Нур» / Сост.: Е.М. Грибанова, А.А. Гунашев, А.С. Зулкашева, Л.Н. Сапонова. — Алматы: Дәуір, 2004. — 256 с.
- 21 СКГА. — Ф. 22-П. — Оп. 3. — Д. 373.
- 22 СКГА. — Ф. 1189. — Оп. 1. — Д. 1220. — Л. 43.
- 23 СКГА. — Ф. 1189. — Оп.1. — Д. 1243.
- 24 СКГА. — Ф. 1189. — Оп.1. — Д. 1607. — Л. 11.
- 25 Сталинские депортации 1928–1953 гг. / Сост. А.Н. Яковлев, Н.Л. Поболь, П.М. Полян. — М.: Международный фонд «Демократия», 2005. — 904 с.
- 26 ЦГА РК. — Ф. 1137. — Оп.18 с. — Д. 197. — Л. 43.
- 27 История российских немцев в документах (1763–1992) // Сост. В. Ауман, В. Чеботарева. — М. Международный институт гуманитарных программ, 1993. — 448 с.
- 28 Архив Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК по Северо-Казахстанской области. — Ф. 2. — Оп.1. — Д. 658. — Л.10.
- 29 Бруль В. Депортированные народы в Сибири (1936–1965 гг.) Сравнительный анализ / В. Бруль // Репрессии против российских немцев: Наказанный народ. — М.: Звенья, 1999. — С. 95–118.
- 30 АП РК — Ф. 708. — Оп. 16/2. — Д. 54.
- 31 АП РК — Ф. 812. — Оп. 19. — Д. 349. — Л. 4.
- 32 АП РК — Ф. 812. — Оп. 19. — Д. 349. — Л. 2.
- 33 АП РК — Ф. 708. — Оп. 28. — Д. 1339 А. — Л. 15.
- 34 АП РК — Ф. 812. — Оп. 19. — Д. 349. — Л. 1.
- 35 ЦГА РК — Ф. 1137. — Оп. 23. — Д. 956. — Л. 20.

Н.А. Абуов, З.К. Картова

Солтүстік Қазақстандағы шешендер мен ингуштардың тарихы: арнайы қоныстар жүйесін депортациялаудан жоюға дейін

Мақалада Қазақстандағы шешендер мен ингуштардың арнайы қоныстандыру жүйесінің болған кезеңіндегі тарихы қарастырылған. Жарияланымда Солтүстік Қазақстан облысындағы жер аударылған шешендер мен ингуштардың тағдыры ашылатын нормативтік құжаттар, қызметтік хат-хабарлар, республиканың облыстық және орталық мұрағаттарының қорларындағы дереккөздер талданған. Сонымен қатар мақалада мынадай негізгі аспектілер көрсетілген: жер аударылған шешендер мен ингуштарды қабылдау процесінің ерекшеліктері, баспанаға орналастыру және азық-түлікпен қамтамасыз етілуі, жұмысқа орналасуы, ортаға моральдық-психологиялық бейімделуі, сондай-ақ оларды арнайы қоныстан босату барысы туралы.

Кілт сөздер: жер аудару, арнайы қоныстанушылар, өлім-жітім, жұмыспен қамту, жергілікті билік органдары, арнайы қоныстандыру жүйесін жою.

N.A. Abuov, Z.K. Kartova

The history of Chechens and Ingush in Northern Kazakhstan: from deportation to the dismantling of the system of special settlements

The article deals with the history of the Chechens and Ingush in Kazakhstan during the existence of the special settlement system. The publication analyzes normative documents, office correspondence, sources from the funds of the regional and central archives of the republic, revealing the fate of the deported Chechens and Ingush in the North Kazakhstan region. The main aspects of the article are features of the process of admission, housing, food security, employment, moral and psychological adaptation of the deported Chechens and Ingush, as well as the process of their release from the special settlement.

Keywords: deportation, special settlers, mortality, employment, local authorities, dismantling of the special settlement system.

References

- 1 Gelb, M. (1996). The Western Finnic Minorities and the Origins of the Stalinist Nationalities Deportations. *Nationalities Papers*, 2.
- 2 Holquist, P. (1997). Conduct merciless mass terror: decosackization on the Don, 1919. *Cahiers du Monde russe*, 1–2.
- 3 Avtorkhanov, A. (1991). Narodoubiistvo — ubiistvo checheno-ingushskogo naroda [Homicide is the murder of the Chechen-Ingush people]. Moscow: Insan [in Russian].
- 4 Williams, B.G. (2001). The Crimean Tatars. The Diaspora Experience and the forging of anation. Leiden; Boston; Koln: Brill.
- 5 Naimark, N. (1997). Die Russen in Deutschland. Die sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949. — Berlin: Propylaen.
- 6 Naimark, N.M. (2002). Fires of Hatred. Ethnic Cleansing in the Twentieth Century Europe. The Harvard University Press.
- 7 Martin, T. (1998). The Origin of Soviet Ethnic Cleansing. *The Journal of Modern History*, 4, 812–861.
- 8 Marie Jean-Jacques (1995). Lespeoplesdeportesdd 'Unionsovietique. EditionsComplexe.
- 9 Shakhbiev, Z. (1996). Sudba checheno-ingushskogo naroda [The fate of the Chechen-Ingush people]. Moscow: Rossiia molodaia [in Russian].
- 10 Bugai, N.F., & Gonov, A.M. (1998). Kavkaz: narody v eshelonakh (20–60-e gody) [Caucasus: peoples in echelons (20–60s)]. — Moscow: Insan [in Russian].
- 11 Bugai, N.F. (1995). L. Beria — I. Stalinu: «Soglasno Vashemu ukazaniiu...» [L. Beria — I. To Stalin: “According to your instructions...”]. Moscow [in Russian].
- 12 Zemskov, V.N. (2003). Spetsposelentsy v SSSR, 1930–1960 [Special settlers in the USSR, 1930–1960]. Moscow: Nauka [in Russian].
- 13 Anes, G. (1998). Deportirovannye v Kazakhstan narody [The peoples deported to Kazakhstan]. Almaty: Arus–Kazakhstan [in Russian].
- 14 Turanova, G. (1998). Qonys audargan nemister men sheshender (1943–1948 zhzh.) [Displaced Germans and Chechens (1943–1948)]. *Qazaq tarikhı — Kazakh history*, 4, 35–39 [in Kazakh].
- 15 Kulbaev, T.S., & Khagai, A. (2000). Deportatsiia [Deportation]. Almaty: Daneker [in Russian].
- 16 Gunashev, A. (2001a). Ichkeriia: mest istorii [Ichkeria: the revenge of history]. Almaty: Nurly Alem [in Russian].
- 17 Gunashev, A. (2001b). Chechentsy v Kazakhstane [Chechens in Kazakhstan]. Almaty: Nurly Alem [in Russian].
- 18 Orymbaev, A.T. (2006). Deportatsiia chechenskogo i ingushskogo narodov v Kazakhstan v god Velikoi Otechestvennoi voiny i ikh polozhenie v poslevoennye gody [Deportation of the Chechen and Ingush peoples to Kazakhstan in the year of the Great Patriotic War and their situation in the post-war years]. Almaty: Parasat Alemi [in Russian].
- 19 Ermekbaev, Zh.A. (2009). Chechentsy i ingushi v Kazakhstane. Istoriia i sudby [Chechens and Ingush in Kazakhstan. History and destinies]. Almaty: Daik-Press [in Russian].
- 20 Griбанова, E.M., Gunashev, A.A., & Zulkasheva, A.S. (2004). Ot deportatsii k integratsii: dokumenty i materialy, posviashchennye 60-letiiu deportatsii chechentsev i ingushei v Kazakhstan: Mezhdunarodnyi fond gumanitarnoi pomoshchi «Nur» [From deportation to integration: documents and materials dedicated to the 60th anniversary of the deportation of Chechens and Ingush to Kazakhstan: “Nur” International Humanitarian Aid Foundation]. Almaty: Daur [in Russian].
- 21 SKGA [North Kazakhstan State Archive]. — F. 22-P. — Op. 3. — D. 373.
- 22 SKGA [North Kazakhstan State Archive]. — F. 1189. — Op. 1. — D. 1220. — L. 43.
- 23 SAKGA [North Kazakhstan State Archive]. — F. 1189. — Op. 1. — D. 1243.
- 24 SKGA [North Kazakhstan State Archive]. — F. 1189. — Op. 1. — D. 1607. — L.11.

- 25 Yakovlev, A.N., Pobol, N.L., & Polian, P.M. (2005). Stalinskie deportatsii 1928–1953 gg. [Stalin's deportations of 1928–1953]. Moscow: Mezhdunarodnyi fond «Demokrīia» [in Russian].
- 26 TsGA RK [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. — F. 1137. — Op. 18. — D. 197. — L. 43 [in Russian].
- 27 Auman, V., & Chebotareva, V. (1993). Istoriia rossiiskikh nemtsev v dokumentakh (1763–1992) [The history of the Russian Germans in documents (1763–1992)]. Moscow: Mezhdunarodnyi institut gumanitarnykh programm [in Russian].
- 28 Arkhiv Komiteta po pravovoi statistike i spetsialnym ucheta Generalnoi prokuratury RK po Severo-Kazakhstanskoi oblasti [Archive of the Committee on Legal Statistics and Special Records of the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan in the North Kazakhstan region]. — F. 2. — Op. 1. — D. 658. — L.10 [in Russian].
- 29 Brul, V. (1999). Deportirovannye narody v Sibiri (1936–1965 gg.) Sravnitelnyi analiz [Deported peoples in Siberia (1936–1965) Comparative analysis]. *Repressii protiv rossiiskikh nemtsev: Nakazannyi narod — Repressions against Russian Germans: Punished people*. Moscow: Zvenia, 95–118 [in Russian].
- 30 AP RK [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan]. — F. 708. — Op. 16/2. — D. 54 [in Russian].
- 31 AP RK [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan]. — F. 812. — Op. 19. — D. 349. — L. 4 [in Russian].
- 32 AP RK [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan]. — F. 812. — Op.19. — D. 349. — L. 2 [in Russian].
- 33 AP RK [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan]. — F.708. — Op.28. — D. 1339 A. — L. 15 [in Russian].
- 34 AP RK [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan]. — F. 812. — Op.19. — D.349. — L. 1 [in Russian].
- 35 TsGA RK [Central State Archive Republic of Kazakhstan] — F. 1137. — Op. 23. — D. 956. — L. 20 [in Russian].